

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.16

**СОГЛАСОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

А.И. ЛУЧЕНОК

заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»**Аннотация**

В статье изложены теоретические подходы к определению сущности национальных интересов на основе агрегирования потребностей социальных макрогрупп. Определена роль формальных и неформальных институтов при проведении интеграционной политики и механизмы их воздействия на реализацию национальных интересов, выявлено влияние национальных элит на формирование государственных и национальных интересов. Определены границы интеграционных процессов исходя из интересов социальных макрогрупп.

Ключевые слова: региональная интеграция, национальные интересы, социальные макрогруппы, формальные институты, неформальные институты.

Abstract

The article outlines the main theoretical approaches to the definition of the national interests on the basis of aggregated demands of the social macrogroups. The role of formal and informal institutions in the process of integration and the policy tools of their impact on the realization of national interests are defined. Influence of national elites on public and national interest has been revealed. The boundaries of the integration processes in the interests of social macrogroups are defined.

Key words: regional integration, national interests, social macrogroups, formal institutions, informal institutions.

ВВЕДЕНИЕ

При исследовании теоретико-методологических вопросов совершенствования интеграционной политики в рамках ЕАЭС в первую очередь обращает на себя внимание наличие расхождений в интересах стран-участников этого сообщества не только в экономической, но также

в политической и идеологической сферах. В связи с этим теоретико-методологические походы, сводящие проблему только к согласованию экономических интересов на практике оказываются малоэффективными, поскольку не учитывают другие виды интересов. Поэтому при разработке теоретико-методологических основ проведения интеграционной политики с последующей выработкой практических рекомендаций необходимо исходить из институционального подхода, учитывающего не только экономические, но также политические, социальные, идеологические и исторические аспекты. Интеграционная политика должна быть направлена на согласование национальных интересов стран-участников интеграционных объединений в экономической, социальной, политической и идеологической сферах. Причем уступки при реализации одного из видов интересов должны компенсироваться более полной реализацией других видов интересов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При исследовании проблем согласования интересов в интеграционных процессах в первую очередь нуждается в уточнении термин «интеграция».

Отдельные российские авторы дают достаточно общие трактовки понятия, что теряется конкретика. Например, Н.Н. Ливенцев рассматривает международную экономическую интеграцию как «высокую (зрелую) степень интернационализации производства на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, ведущую к постепенному сращиванию воспроизводственных структур ряда стран» [1, с. 10]. Предполагается, что интеграция обеспечит оптимальное международное разделение труда и, таким образом, будет способствовать оптимальному экономическому росту и благосостоянию. При интеграции происходит как бы добровольное и взаимовыгодное объединение отдельных частей в новую целостность, которая представляет собой не просто арифметическую сумму составляющих ее частей, а получает качественно новые возможности. Как отмечал профессор В. Бобков, "интеграция позволяет получить такие материальные, интеллектуальные и иные средства, каких ни один из участников не имел бы, действующий он автономно" [2]. В российском политологическом словаре также дается достаточно общая трактовка интеграции как процесса, развивающегося «на базе интернационализации всей общественной жизни, ускоряемой научно-техническим прогрессом, возрастанием взаимозависимости народов и государств» [3, с. 122].

Между тем зарубежные авторы еще в 60-х годах прошлого века связывали интеграцию с ликвидацией дискриминации между субъектами

хозяйствования стран-участников интеграционного образования (Балаша Б.) [4], с обеспечением мирного сосуществования интегрирующихся стран на основе развития свободного движения товаров, рабочей силы и капиталов (К. Дойч) [5], или с образованием новых центров политического влияния (Е. Хаас) [6]. Еще более радикально подходил к трактовке термина А. Этзони, считавший, что интеграция должна включать создание единого центра, отвечающего за принятие и исполнение решений, а также применение принудительных мер воздействия для проведения такой интеграции [7]. Сторонники так называемой школы федерализма в интеграционных процессах вообще проповедовали идею, что независимые государства должны добровольно отказаться от независимости и суверенитета в пользу наднациональных органов ради обеспечения своей безопасности [8]. Отдельные авторы рассматривают термин «интеграция» как «процесс, посредством которого отдельные государства передают часть своих суверенных прав в пользу создаваемой и единой для них всех институциональной структуры с тем, чтобы обеспечить учет и реализацию их общих интересов» [9].

Если федералисты предлагали жесткую наднациональную модель интеграции, то сторонники функционального направления были более скромны в интеграционных планах и предлагали строить отношения в межгосударственных объединениях на основе сотрудничества и базироваться на работе экспертов от каждой страны по конкретным функциональным вопросам. При этом они не отрицали целесообразности создания наднациональных органов управления, но собирались делать это постепенно, без ущемления интересов сторон. По их мнению, международная интеграция должна быть в максимальной степени деполитизирована, а эффективное сотрудничество государств может и должно быть достигнуто путем концентрации усилий в первую очередь на общих для всех вопросах благосостояния.

Одним из первых обратил внимание на необходимость наличия общих экономических интересов Э. Хаас [10, с.210]. Но сам факт наличия индивидуальных, групповых и общественных интересов предполагает существование противоречий между ними. Сложная структура общества, различия в социальном положении людей приводят к появлению громадного множества, как правило, не совпадающих между собой интересов [11, с. 10]. Это особо важно для стран, не способных к доминированию во вновь образуемых интеграционных объединениях. В частности, Ж.М. Кембаев (Казахстан) пишет, что «если европейские сообщества с самого начала были основаны на принципе наднациональности, т.е. добровольной передачи существенного объема суверенных прав от государств членов независимым надна-

циональным институтам, полностью приверженным идеям интеграции и претворяющим их в жизнь зачастую без оглядки на национальные интересы отдельных государств-членов, то ЕврАзЭС, как и любая международная организация классического образца, основано на суверенном равенстве его государств-членов и примате их национальных интересов [12, с. 116]. Поэтому вполне обосновано мнение В.Н. Рябых, А.Б. Гладышева о том, что «согласование общественных, групповых и личных экономических интересов, достижение их равновесной реализации при, несомненно, доминирующем положении национально-государственного интереса общества всегда были и остаются актуальной задачей развития экономической системы любой страны, что, однако, в настоящее время осложняется проблемой существования национального государства в условиях глобализации» [13, с.141].

О специфике национально-государственных интересов и их отражении в экономической политике пишет также А.Н. Барковский [14, с. 132]. Но возникает вопрос о том, есть ли различие между национальными и государственными интересами.

По мнению О.Н. Быкова, подмена национальных интересов государственными не оправдана, поскольку национальные интересы выражают наиболее общие, жизненные потребности как общества, так и государства. При всем их совпадении, между ними имеются заметные расхождения. На международной арене от имени нации выступает государство, а выражаемые им интересы воспринимаются как национальные. Иногда так оно и есть. Но формирует и осуществляет внешнюю политику не нация в целом, а ее правящая элита, исходящая из своего понимания общих и частных интересов, причем не всегда безошибочно и не во всем бескорыстно. Объективные по своей природе национальные интересы, приняв государственную форму, в той или иной степени становятся субъективными, что нередко оборачивается пагубными последствиями для международных отношений и для самой нации. И дело здесь не просто в своекорыстии и просчетах лидеров государств. Государство, даже самое развитое, не в состоянии, если того и пожелает, охватить и оценить все многообразие присущих нации интересов и реализовать их в полном объеме на практике, ограниченной определенными рамками внешнеполитической деятельности и правилами международного общения. Тот же автор пишет, что «...не требуется доказательств того, что в современном мире интересы нации стоят превыше всех иных категорий международного общения. В той же мере суверенны действия государства во имя национальных интересов. Но здесь необходима существенная оговорка. Аксиома теряет смысл, если за подлинные интересы нации выдаются своекорыстные и наносящие ущерб

другим нациям замыслы правящих элит, которые формулируют и проводят внешнюю политику» [15, с.5, 27].

И.Н. Якунина также считает спорным «положение о том, что государство может в полной мере служить выразителем интересов общества, поскольку в условиях глобализации и информатизации понятия «социум» и «общество» выходят далеко за пределы национальных границ, а, следовательно, ни одно отдельно взятое государство не может быть в полной мере выразителем интересов субъектов и социальных групп, формирующих данное общество». По ее мнению, «в настоящее время целесообразно говорить о том, что именно элиты должны выступать носителями общественных экономических интересов, которые трансформируются в глобальные экономические интересы. Причем «общий для всех интерес не должен замещаться и подменяться индивидуальным (клановым, кастовым) или любым иным групповым интересом, а коллективная согласованная воля, объединяющая единство людей, не должна иметь противоречий – исказиться или подменяться чужеродной волей» [11, с. 9, 12].

Достаточно интересными представляются взгляды на учет национальных интересов у Э.Моравчика, который представляет интеграцию в виде двухуровневой игры. На первом уровне определяются различные политические и социальные группы, которые формируют национальные интересы (в первую очередь экономические) государства в интеграционном процессе. На втором уровне лидеры государств, отстаивая интересы страны, ведут межправительственные переговоры, которые воплощаются в конкретные решения только при достижении между национальными интересами государств «общего знаменателя». Сам Э.Моравчик считает внутреннюю политику предварительным условием межправительственного торга. Национальные государства, по его мнению, сознательно принимают решения, формально ограничивающие их автономию, так как стараются тем самым удержать власть и получить выгоду от формирующихся транснациональных взаимосвязей. Ведь в рамках созданных интеграционных институтов государства приобретают дополнительные преимущества, расширяют поле внешнеполитических действий и доступ к информации, которая в других условиях была бы недоступной [16, с. 74].

Таким образом, есть основания считать, что в основе внешнеэкономической интеграционной политики должны лежать национальные интересы, которые совпадают с государственными интересами в том случае, если выражают интересы основных социальных групп, существующих в обществе. Эти интересы целесообразно координировать на макроэкономическом уровне. В связи с этим нами

введен в научный оборот термин «социальные макрогруппы» (СМГ), которые представляют собой объединения людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированные на реализацию групповых и личных интересов членов группы с использованием формальных и неформальных норм (институтов). Они, во-первых, агрегируют интересы членов социальной макрогруппы с установлением иерархии интересов по степени приоритетности с выработкой на этой основе общегрупповых целей; во-вторых, реализуют свои интересы во взаимодействии с органами государственного управления; в-третьих, выдвигают своих представителей в государственные структуры для реализации групповых интересов; в-четвертых, используют средства массовой информации для пропаганды как в прямой, так и завуалированной форме [17, с. 19-20]. При этом мы выделяем следующие основные социальные макрогруппы, которые могут существенно влиять на интеграционные процессы: СМГ «Индустриально-промышленный комплекс»; СМГ «Аграрно-продовольственный комплекс»; СМГ «Банковско-финансовая сфера»; СМГ «Строительный комплекс»; СМГ «Транспортный комплекс». Такие макрогруппы как «Домашние хозяйства» (население), «Малые и средние предприниматели», «Научно-исследовательский и внедренческий комплекс», «Медицина» играют второстепенную роль в интеграционных процессах.

Особняком стоит социальная макрогруппа «Государственная власть», которая объективно также имеет свои интересы, заключающиеся, прежде всего, в сохранении властных полномочий. Кроме того, она за счет своих властных полномочий обеспечивает согласование интересов других макрогрупп как между собой, так и с собственными потребностями.

Для целей нашего исследования необходимо уточнение сферы использования термина «элита». Существует две основные трактовки этого термина, активно применяемого в социологии и политологии. Сторонники аксиологической (ценностной) концепции исходят из первоначального смысла понятия «элита» (элита – лучшие представители какой-нибудь части общества, социальной группы). Они предполагают, что входящие в элиту индивидуумы, обладают более высоким интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению со средними показателями конкретного социума. В то же время адепты альтиметрического подхода относят к элите любого индивидуума, обладающего реальной властью, не обязательно увязанной с наличием у носителя властных полномочий высокого интеллекта и достойных морально-этических качеств [18].

Мы являемся сторонниками первой трактовки, поскольку отнесение к «элите» отдельных представителей властных структур хотя и льстит самолюбию этих личностей, но дискредитирует понятие в исходном значении этого слова. Поэтому в дальнейшем этот термин будет использоваться нами только в отношении лиц или группы лиц, которые действительно обладают высоким уровнем интеллекта могут служить образцами для подражания. В первую очередь это касается лучших представителей образования, науки, культуры, СМИ и других людей, оказывающих значительное влияние на формирование социального мировоззрения и поведенческих стереотипов социума. К элите можно также отнести и часть управленческих работников, которые принимают решения, действительно продуманные с точки зрения защиты национальных интересов. При этом нецелесообразно относить к элите индивидов, использующих руководящие должности для личных целей или для реализации интересов отдельных социальных макрогрупп в тех случаях, когда они носят чрезмерно амбициозный характер и необоснованно ущемляют интересы других макрогрупп.

Исходя из нашей трактовки термина «элита» возникает необходимость использования более конкретного термина для определения лиц, обеспечивающих реализацию интересов социальных макрогрупп. Для это целесообразно использование термина «лидеры социальной макрогруппы». Лидеры социальных макрогрупп сами могут входить в органы государственного управления, что очень облегчает им реализацию интересов социальной макрогруппы. Но они могут и не быть работниками государственных структур, но контролировать представителей своей макрогруппы во властных структурах и или сами выступать в качестве лоббиста как в органах государственного управления своей страны, так и в наднациональных организациях. Они обычно являются людьми со связями, но далеко не всегда их следует относить к элите в силу специфики наличествующего у них интеллекта и морально-этических качеств, не позволяющих их рассматривать в качестве образцов для подражания.

Наличие групп влияния признают также последователи теорий федерализма и функционализма, которые в настоящее время эволюционизировались в либеральный межправительственный подход (проповедуют необходимость делегирования государственных полномочий наднациональным органам) и неофункционализм (рекомендуют постепенную и взвешенную передачу государственных полномочий с национального на наднациональный уровень). При этом сторонники либерального межправительственного подхода вообще отказываются от риторики о «национальных интересах» и вместо этого

фокусируются на работе с теми группами влияния, которые могут определять государственную политику, в том числе на передачу властных полномочий наднациональному органу.

Неофункционалисты тоже ориентируются на взаимодействие с социальными макрогруппами, заинтересованными в интеграции. Такие элитные группы из разных стран сотрудничают друг с другом, находят общие интересы и воздействуют на СМГ «Государственная власть» для достижения нужного им интеграционного результата. По мнению неофункционалистов, реальными субъектами интеграции выступают не руководители государств, а негосударственные образования и их коалиции и, в первую очередь, транснациональные корпорации. В белорусских условиях ими являются, прежде всего, экспортные предприятия как индустриального, так и аграрного сектора.

Тезис о том, что интеграционные процессы стимулируются лоббистами заинтересованных социальных макрогрупп подтверждается практикой. Поэтому И.Бусыгина считает, что во всех известных случаях решения об объединении независимых государств принимались изначально узкой группой, непосредственно заинтересованной в интеграции, без опоры на поддержку населения. И только позднее население оказывалось втянутым в процесс интеграции. Дезинтеграция также почти всегда осуществлялась в результате действий узких групп, игнорирующих мнение большинства (например, в Чехословакии или СССР) [19]. Основываясь на предпосылке о ключевой роли социальных макрогрупп в интеграционных процессах, можно сделать вывод, что именно заинтересованные макрогруппы определяют государственную интеграционную политику. При этом они же формируют формальные институты (правила интеграции). Неформальные институты также ориентированы на сотрудничество в рамках бывшего Советского Союза.

Но интеграционные процессы будут поддерживаться до тех пор, пока они не начинают противоречить интересам других влиятельных макрогрупп. Например, увеличение экспорта в Россию приветствуется практически всеми (при достаточной обеспеченности товарами и услугами на национальном рынке), но введение российского рубля в качестве официальной валюты на территории Республики Беларусь в значительной степени противоречит интересам как государственной власти, так и банковско-финансовой СМГ в лице Национального банка. Интеграционные процессы будут продолжаться до тех пор, пока объединенные общими интересами социальные макрогруппы, выигрывающие от интеграции, будут более влиятельны по сравнению с макрогруппами, не заинтересованными в углублении международной кооперации.

Представители более сильных экономик пытаются диктовать свои условия, используя для этого и возможности интеллектуальной элиты. В частности, финский эксперт по вопросам отношений Европейского союза и Российской Федерации К.Пурсиайнен учит россиян, что «...истинная европейская интеграция России невозможна, если российская политическая элита не перестанет мыслить исходя исключительно из ограниченных государственных интересов в пределах нации. Если Россия намеревается прочно интегрироваться в ЕС, она должна быть готова к выдвиганию полномочий по принятию экономических и политических решений на наднациональные уровни. При этом со стороны ЕС должна исходить инициатива создания наднациональных органов, которые будут отвечать за принятие решений в сфере отношений ЕС-Россия» [8, с. 5-6]. При этом автор жалуется, что «проблемой, которая особенно заботит ЕС, является незначительное продвижение России на пути добровольной правовой аппроксимации. В настоящее время не существует институционализированного механизма, который обеспечил бы систематизированную аппроксимацию российских законов, норм, правил и положений к системе ЕС. Некоторые представители российских политических кругов также неохотно идут на создание системы более или менее автоматического сближения с законодательством ЕС». Кроме того, он считает, что «...государства должны проявить политическую готовность отказаться от краткосрочных расчетов относительных преимуществ ("кто больше выиграет") и сосредоточиться на абсолютных преимуществах (когда обе стороны получают абсолютные выгоды) и двусторонних взаимоотношениях. Такой подход "зуб за зуб" позволяет государствам отказаться от расчетов на краткосрочную перспективу и сосредоточиться на конечных преимуществах, заложенных в длительном сотрудничестве» [8, с 10, 14].

Вышеприведенные цитаты финского автора разъясняет В.С. Паньков: «Стремясь оправдать свои привилегии и вновь поставить свою «коммунитарную» власть выше интересов государств, а тем более их граждан, деятели органов ЕС и его «чиновничье-служивый» аппарат (там занято более 10 тыс. чел.) нередко проявляют технократическое рвение, идущее в ущерб не только конкретным людям, но и общим интересам успешного ведения конкурентной борьбы с другими центрами мирового хозяйства в условиях глобализации» [20, с. 99-100].

Будучи ущемляемой в удовлетворении своих интересов в общении со странами Евросоюза Россия стремится продвигать свои национальные интересы на постсоветском пространстве. В связи с этим было бы логично сильнее привязывать бывшие республики Советского Союза развитием взаимно выгодной евразийской интеграции в рамках ЕАЭС и других

образований, в которых ведущую роль играет Россия. Вместо этого в российской интеграционной политике доминируют макрогруппы, заинтересованные в вытеснении конкурентов из дружественных стран. Приоритетом российской политики становится первоочередное развитие российского ВПК, размещение критических производств на собственной территории, навязывание российской валюты в качестве единого платежного средства для Евразийского экономического союза. В результате Россия намерена отказаться от продукции Минского завода колёсных тягачей для комплектации комплексов С-400 «Триумф» и С-500 «Прометей». Такой подход облегчает России контроль производителей, но в то же время может привести к замедлению интеграционных партнеров из-за ослабления мотивации в странах-партнерах. Не случайно в президентской газете «Беларусь сегодня» появилась статья о том, что «Беларусь должна относиться к собственным национальным интересам так же серьёзно, как к своим национальным интересам начала относиться Россия. И исходя в первую очередь из своих национальных интересов Беларусь должна принимать решения об экономическом сотрудничестве, особенно в период, когда нам требуются смелые решения и действия, чтобы не стать, вместе с Россией, «страной-дауншифтером», безнадежно отстав от технологического прогресса [21].

К интеграционным процессам с Россией весьма настороженно относится и элита Республики Казахстан. Р.Т. Дуламбаева (Казахстан) считает, что «на сегодняшний день важным принципом эффективной реализации экономической политики должен быть принцип наименьшего вреда социально-экономической системе Казахстана... Очень важно соблюдать принцип максимального снижения риска для жизнеобеспечения всей национальной воспроизводственной системы РК. В данном случае актуальной проблемой является необходимость решения проблем дисфункциональности систем жизнеобеспечения экономических структур, тем самым способствуя устойчивости этих систем к внешним воздействиям... Целесообразно избирательно с ориентиром на приоритетные направления развития национальных систем подходить к рекомендациям извне. Вся экономическая политика страны должна быть ориентирована на достижение внутренней устойчивости, на самодостаточное развитие в векторе усиления конкурентных позиций. Самодостаточное развитие ориентирует страну на концентрированное использование ресурсов на приоритетных направлениях. Институциональная база кредитования должна носить преимущественно национальный окрас, быть ориентирована на обеспечение экономической безопасности страны, на повышение конкурентоспособности и эти ориентиры выведут страну на траекторию реального роста» [22].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, интеграционная политика должна быть направлена на согласование национальных интересов стран-участников интеграционных объединений в экономической, социальной, политической и идеологической сфере. Причем уступки при реализации одного из видов интересов должны компенсироваться более полной реализацией других видов интересов.

Во-вторых, при проведении интеграционной политики целесообразно исходить из необходимости агрегирования интересов участников интеграционных процессов на уровне социальных макрогрупп, которые представляют собой объединения людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированных на реализацию групповых и личных интересов членов группы с использованием формальных и неформальных норм (институтов), и влияющих на основные макроэкономические пропорции, способных существенно корректировать финансовые потоки в экономике.

В-третьих, в основе внешнеэкономической интеграционной политики должны лежать национальные интересы, которые совпадают с государственными интересами в том случае, если выражают согласованные интересы основных социальных макрогрупп. Следует учитывать возможность различия национальных и государственных интересов. Если национальные интересы выражают потребности основной массы населения, агрегированные в интересах социальных макрогрупп, то государственные интересы могут воплощаться в реализации запросов отдельных макрогрупп, имеющих приоритетное влияние на формирование государственной политики.

В-четвертых, обоснована точка зрения, что под широко используемым в интеграционных процессах термином «элита» целесообразно понимать совокупность граждан, обладающих более высоким интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению со средними показателями конкретного социума. Они оказывают влияние на все стороны общественных отношений, но далеко не всегда определяют тенденции в интеграционных процессах.

В-пятых, государственную интеграционную политику определяют социальные макрогруппы, имеющие выгоды от интеграционных процессов (в первую очередь, предприятия-экспортеры). При этом они активно участвуют в формировании формальных институтов (правил интеграции). Неформальные институты также ориентированы на сотрудничество в рамках бывшего Советского Союза.

В-шестых, интеграционные процессы продолжаются до тех пор, пока социальные макрогруппы, выигрывающие от интеграции, более влиятельны по сравнению с другими макрогруппами и государственными структурами, не заинтересованными в передаче властных полномочий в наднациональные органы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная экономическая интеграция: Учеб. пособие / Под ред. д-ра экон. наук, проф. Ливенцева Н.Н. М.: Экономистъ, 2006.
2. Бобков В. Баланс терпения и нетерпения // Республика. 1998.
3. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993.
4. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London. [Электронный ресурс] Режим доступа : http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781136646317_sample_504906.pdf . Дата доступа: 11.03.2016.
5. Deutsch K. The growth of Nations: some recurrent patterns of political and social integration // World Politics, 1953. Vol. 5, N 2.
6. Haas E. International Integration: The European and the Universal Process // International organization, 1961. Vol. 15, N 3. P. 366-392.
7. Etzioni A. Political unification: a comparative study of leaders and forces. New York: Rinehart, 1965. P. 329.
8. Пурсийнен К. Теории интеграции и рамки отношений ЕС-РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа : http://www.recep.ru/files/documents/Integration_theories_ru.pdf. Дата доступа: 21.05.2016.
9. Corbey D. Dialectical functionalism: stagnation as a booster of European integration // International Organization. 1995. Vol. 49. № 2. P. 255. Цитата по: Ю.Лепешков - Межгосударственная интеграция в рамках Европейского союза: некоторые вопросы теории с. 5. [Электронный ресурс] Режим доступа : [-www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/29269/1/2001_1_JLIR_lepeshkov_r.pdf](http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/29269/1/2001_1_JLIR_lepeshkov_r.pdf) Дата доступа: 11.06.2016.
10. Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции. - Terra economicus, 2010, Том 8 № 3 Часть 3, с. 208-215,
11. Якунина И.Н. Диалектика реализации общественных интересов в современном социуме: вопросы методологии // Вестник ТГУ. Вып. 9 (101). 2011г. – С. 9-13.

12. Кембаев Ж.М. Международная экономическая интеграция: разновидности и некоторые основные закономерности Журнал российского права 2008, № 10. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-ekonomicheskaya-integratsiy-gaznovidnosti-i-nekotorye-osnovnye-zakonomernosti>. Дата доступа: 21.05.2016.

13. Рябых В. Н., А. Б. Гладышев формирование и защита национально-государственных интересов России на международной арене в условиях глобализации мировой экономики. – Социально-экономические явления и процессы, 2012, № 1. С. 141-147.

14. Барковский А.Н. Экономические стратегии стран СНГ: поляризация интересов. – Проблемы прогнозирования, 2003, № 3, с. 131-141.

15. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. Москва, ИМЭМО РАН, 2010, 274 с.

16. Годенов И.С. Теоретические подходы в исследовании общей политики безопасности и обороны Европейского союза. – Вестник Томского государственного университета, Выпуск № 349 / 2011, с. 72-75

17. Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики / А.И. Лученок [и др.]; под науч. ред. А.И.Лученка ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2015. 272 с.

18. Элита – [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Элита>. Дата доступа: 21.05.2016.

19. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. М., 2007. Т. 5, № 3(15). С. 18–28.

20. Паньков В.С. Глобализация и международная региональная интеграция: две стороны одной медали? – Известия УрГЭУ, 2009, № 2 (24), С 97-108.

21. Царик Ю. Единение и национальные интересы. – Беларусь сегодня, 04.04.2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sb.by/blog/883997-yuri-tsarik/edinenie-i-natsionalnye-interesy.html>. Дата доступа: 21.05.2016.

22. Дуламбаева Р.Т. Интеграционная политика государства в современных условиях: теоретико-методологические подходы к исследованию. [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://groupglobal.org/ru/publication/3519-integracionnaya-politika-gosudarstva-v-sovremennyh-usloviyah-teoretiko> Дата доступа: 21.05.2016.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2016 года.